

ДЖЕЙН
ОСТЕН

Нортенгерское
аббатство

МОСКВА

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ДЖЕЙН
ОСТЕН

Нортенгерское
аббатство

МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-76

Jane Austen

NORTHANGER ABBEY

Перевод с английского *Иммануэля Маршака*

Примечания к роману *Нины Михальской*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художника *Эдмунда Блэра Лейтона*

Остен, Джейн.

О-76 Нортенгерское аббатство / Джейн Остен ; [перевод с английского И. Маршака]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — Всемирная литература (с картинкой).

ISBN 978-5-04-215678-6

Из-под пера Джейн Остен появились самые романтические пары и самые остроумные героини художественной литературы. С удивительной наблюдательностью, большим мастерством и тонким английским юмором описывает Джейн Остен быт и нравы провинциального общества своего времени.

«Нортенгерское аббатство» — самая озорная ее книга, изящная ирония над канонами любовного романа. Родители Кэтрин не слишком богаты, но отнюдь не бедны. Она не слишком красива, но и недурна собой. Кэтрин наивна, но лишь из-за недостатка жизненного опыта. Она обожает готические романы, и вся ее жизнь, как ей кажется, полна мрачных тайн и загадок. И только благодаря любви героиня обретает новый взгляд на реальность, ей открываются неведомые прежде стороны жизни.

Издание романа выходит в великолепном классическом переводе Иммануэля Самойловича Маршака, который считается каноническим.

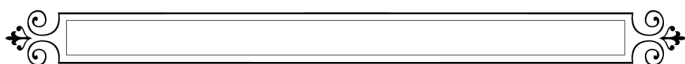
УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Маршак И.С., перевод на русский язык.
Наследники, 2025

© Михальская Н., примечания. Наследники, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215678-6

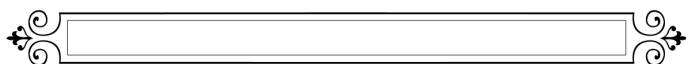

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА К «НОРТЕНГЕРСКОМУ АББАТСТВУ»

Эта небольшая работа была закончена в 1803 году в предположении, что она будет сразу опубликована. Ее принял издатель, о ее предстоящем выходе из печати было даже объявлено, и почему дело не пошло дальше, автор так и не понял. Обстоятельства, в которых издатель находит выгодным приобрести рукопись и невыгодным — ее напечатать, выглядят из ряда вон выходящими. Впрочем, автору и читающей публике не было бы сейчас до этого дела, если бы какие-то части книги за минувшие тринадцать лет несколько не устарели. Читателей просят иметь в виду, что прошло тринадцать лет после завершения этой работы, много больше — с тех пор, как она была задумана, и что за истекшие годы географические понятия, человеческие характеры и взгляды, а также литература претерпели существенные изменения.

ГЛАВА I

Едва ли кто-нибудь, кто знал Кэтрин Морланд в детстве, мог подумать, что из нее вырастет героиня романа. Общественное положение и характеры ее родителей, собственные качества и склонности — все у нее было для этого совершенно неподходящим. Отец ее был священником, не бедным и забитым, а, напротив, весьма преуспевающим, — правда, он носил заурядное имя Ричард и никогда не был хорош собой. Не считая двух неплохих церковных приходов, он имел независимое состояние, и ему не было нужды держать своих дочек в черном теле. Мать ее отличалась рассудительностью и добрым нравом, и, как ни странно, — превосходным здоровьем. Еще до Кэтрин она успела родить трех сыновей, а произведя на свет дочку, отнюдь не умерла, но продолжала жить на земле, прижила еще шестерых детей и растила весь выводок в полном благополучии. Семейство, насчитывающее десять детей, обычно считается прекрасным семейством с вполне достаточным числом рук, ног и голов. Увы, Морланды не могли претендовать на этот эпитет во всех его смыслах, ибо отнюдь не отличались внешней привлекательностью. На протяжении многих лет Кэтрин

оставалась такой же дурнушкой, как и все ее родичи. Тощая, несуразная фигура, вялый цвет лица, темные прямые волосы — вот как она выглядела со стороны. Ничуть не больше годился для героини романа ее характер. Ей всегда нравились мальчишеские игры — крикет она предпочитала не только куклам, но даже таким возвышенным развлечениям поры детства, как воспитание мышки, кормление канарейки или поливка цветочной клумбы. Работа в саду была ей не по вкусу, а если иногда она собирала букеты, то делала это как будто назло — так, по крайней мере, можно было заключить, судя по тому, что она обрывала именно те цветы, которые ей запрещалось трогать. Таковы были ее наклонности. И столь же мало сулили в будущем ее способности. Ей никогда не удавалось что-то понять или выучить прежде, чем ей это объяснят, — а иной раз и после того, ибо частенько она бывала невнимательной, а порою даже туповатой. Целых три месяца потребовалось ее матери, чтобы вдолбить ей в голову «Жалобу нищего». И все же младшая сестра Салли декламировала это стихотворение гораздо выразительнее. Не то чтобы Кэтрин была безнадежной тупицей — вовсе нет. Басню про «Зайца и его дружков» она вызубрила так же легко, как и любая английская девчонка. Матери хотелось научить ее музыке. И Кэтрин полагала, что заниматься музыкой необыкновенно приятно — она ведь так любила барабанить по клавишам разбитых клавикордов. Занятия начались, когда девочке исполнилось восемь лет. Она проучилась год, и ей стало невмоготу. Миссис Морланд, считая неразумным принуждать детей к делу, к которому у них

не было способностей или не лежала душа, оставила дочку в покое. День, в который Кэтрин рассталась с учителем музыки, был счастливейшим в ее жизни. Ее способности к рисованию раскрылись в той же степени, хотя, если ей удавалось раздобыть у матери обертку письма или какой-нибудь другой клочок бумаги, она использовала их самым основательным образом, изображая мало отличающиеся друг от друга домики, кустики и петушков или курочек. Писать и считать учил ее отец, а говорить по-французски — мать. Успехи ее были далеко не блестящими, и она отлынивала от занятий как только могла. Но что это был за странный, необъяснимый характер! При всех признаках испорченности, к десяти годам от роду она все же оставалась доброй и отзывчивой, редко упрячилась, почти никогда ни с кем не ссорилась и была хороша с малышами, если не считать редких вспышек тиранства. Она была шумной и озорной девочкой, терпеть не могла чистоту и порядок и больше всего на свете любила скатываться по зеленому склону холма позади дома.

Такой была Кэтрин Морланд в десять лет. К пятнадцати годам впечатление, которое она производила на окружающих, стало понемногу исправляться. Она начала завивать волосы и подумывать о балах. Ее внешность улучшилась, лицо округлилось и посвежело, глаза стали более выразительными, а фигура — соразмерной. Она перестала быть грязнулей и научилась следить за собой, превратившись в опрятную и миловидную девушку. И ей было приятно, что в разговорах между родителями зазвучали одобрительные отзывы об ее изменившейся наружности.

«Кэтрин начинает выглядеть совсем недурно — она становится почти хорошенькой!» — слышала она время от времени. И что это было за удовольствие! Казаться почти хорошенькой для девушки, которая первые пятнадцать лет своей жизни слыла дурнушкой, — радость, гораздо более ощутимая, чем все радости, которые достаются красавице с колыбели.

Миссис Морланд была добрейшей женщиной и хотела, чтобы ее дети получили в жизни все, что только им причиталось. Но она была слишком занята тем, что рожала и воспитывала малышей, и старшие дочери оказывались поневоле предоставленными самим себе. Ничего поэтому не было удивительного, что Кэтрин, от природы лишенная всего истинно героического, в четырнадцать лет предпочитала бейсбол, крикет, верховую езду и прогулки — чтению, по крайней мере — серьезному чтению. Ибо она ничего не имела против книг, в которых не было поучительных сведений, а содержались одни только забавные происшествия. Но между пятнадцатью и семнадцатью годами она стала готовить себя в героини. Она прочла все, что должны прочитать героини романов, которым необходимо запастись цитатами, столь полезными и ободряющими в их полной превратностей жизни.

От Поупа она научилась осуждать тех, кто

В притворном горе ускользнуть не прочь...

От Грея узнала,

Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой...

Томсон открыл ей,

Как славно молодежь
Воспитывать уроками стрельбы!

А Шекспир снабдил ее огромным запасом сведений, и среди них, что

Ревнивца убеждает всякий вздор,
Как доводы Священного писанья, —
что

Ничтожный жук, раздавленный ногой,
Такое же страданье ощущает,
Как с жизнью расстающийся гигант...

и что к выражению лица влюбленной молодой женщины вполне подходят слова:

Как статуя Терпения застыв,
Она своим страданьям улыбалась...

В этом отношении ее успехи были удовлетворительными, так же как и во многих других. Ибо, хоть она и не умела писать сонеты, она приучила себя их читать. И хотя у нее не было надежды вызвать восторг публики исполнением на фортепьяно прелюдии собственного сочинения, она была способна, не испытывая усталости, слушать игру других музыкантов. Самым слабым ее местом было рисование, в котором она не смыслила ровно ничего — настолько мало, что, попытайся она запечатлеть на бумаге профиль возлюбленного, ее и тогда никому не удалось бы изобличить. По этой части она не могла соревноваться ни с одной героиней романа. Однако

до сих пор данный недостаток не открывался даже ей самой, так как у нее не было возлюбленного и ей некого было рисовать. К семнадцати годам она еще ни разу не встретила на своем пути достойного молодого человека, который был способен воспламенить ее чувства, и ни разу не возбудила в ком-нибудь не только любовной склонности, но даже восхищения, большего, чем самое поверхностное и мимолетное. Это в самом деле было очень странно! Но многие странные вещи удается объяснить, если по-настоящему вдуматься в их причины. В окрестностях не было ни одного лорда, даже баронета. Среди знакомых Морландов не было ни одной семьи, которая вырастила бы найденного на пороге мальчика неизвестного происхождения. У ее отца не было воспитанника, а местный сквайр вообще не имел детей.

Однако если молодой леди суждено стать героиней, она ею станет, даже несмотря на то, что так оплошали сорок живущих по соседству семейств. Что-нибудь случится, и герой окажется на ее пути.

Мистеру Аллену, владельцу почти всех земель вокруг Фуллертона — деревушки, в которой жили Морланды, — было предписано отправиться в Бат для лечения подагры. И его супруга, добродушная женщина, которой очень полюбилась мисс Морланд и которая, возможно, догадывалась, что если с молодой леди не происходит никаких приключений в родной местности, то ей следует поискать их на стороне, пригласила Кэтрин поехать в Бат вместе с ними. Мистер и миссис Морланд отнеслись к этому предложению вполне благосклонно, а Кэтрин пришла от него в неподдельный восторг.

ГЛАВА II

Вдобавок к уже упомянутым достоинствам внешности и характера Кэтрин Морланд на том рубеже ее жизни, на котором ей предстояло испытать тяготы и превратности полуторамесячного пребывания в Бате, читателю может быть сообщено — на случай, если позднейшие страницы не дадут ему достаточного представления о ее облике, — что у нее было мягкое сердце, открытый, веселый и лишенный всякого притворства или жеманства нрав, естественные, только что освободившиеся от детской застенчивости и неуклюжести манеры, правильные, в благоприятные минуты даже почти красивые черты лица и, как свойственно особам женского пола в семнадцать лет, весьма невежественный и непросвещенный ум.

По мере приближения минуты отъезда материнская озабоченность миссис Морланд, естественно, должна была крайне усилиться. Тысячи опасностей, подстерегавших ее любимую Кэтрин во время жестокой разлуки, не могли не тревожить ее сердце дурными предчувствиями и в последние два-три дня пребывания дочери под отеческим кровом не исторгать у нее то и дело потоки слез. Разумеется, во время прощальной беседы в материнской спальне с ее мудрых уст должен был слететь самый важный практический совет — из ее сердца не могло не вырваться предостережение, касающееся бесчувственных лордов и баронетов, которые тешат себе душу, соблазняя молодых леди и увозя их в свои отдаленные поместья. Да и кто бы об этом не подумал? Од-

нако миссис Морланд так слабо представляла себе лордов и баронетов, что даже не имела понятия об их всеобщей испорченности и не подозревала об ущербе, который они могли нанести ее дочери своими гнусными происками. Ее заботы ограничились только следующими пунктами:

— Пожалуйста, Кэтрин, получше закутывай шею, выходя с бала. И мне бы хотелось, чтобы ты записывала свои расходы — я тебе дам для этого особую тетрадку.

Салли, или, точнее, Сара (ибо какая же молодая леди из круга небогатых дворян сохраняет первоначальное имя, достигнув шестнадцатилетнего возраста?), должна была, судя по ситуации, стать к этому времени самой близкой подругой Кэтрин, пользующейся ее неограниченным доверием. Однако, как ни странно, она вовсе не умоляла сестру посылать письма с каждой почтой и не взяла с нее обещания рассказывать во всех подробностях про каждого нового знакомого и про каждый поворот интересного разговора. Решительно во всем, что касалось этой важной поездки, Морланды обнаружили спокойствие и умеренность, вполне свойственные обычному поведению обычных людей, но несовместимые с теми изысканными чувствами и возвышенными переживаниями, которые всегда характеризуют первую разлуку героини романа с родным кровом. И отец, вместо того чтобы вручить дочери банковский ордер на неограниченную сумму или хотя бы чек на сто фунтов стерлингов, дал ей всего десять гиней, обещав прислать еще в случае надобности.